

А. Б. ЕГОРОВ

ПРИНЦИПАТ

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(31 г. до н. э. — 68 г. н. э.)

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.3(0)32
УДК 94(37).07
Е30

Рецензенты:

д-р ист. наук *И. Ш. Шифман* (Ин-т востоковедения АН СССР),
д-р ист. наук *Ю. В. Андреев* (ЛО Ин-та археологии АН СССР).

Егоров А. Б.

Принципат: создание и развитие политической системы
(31 г. до н. э. — 68 г. н. э.). — СПб.: Евразия, 2023. — 336 с.

SBN 978-5-8071-0575-2

В монографии исследуется переломный период в истории римского государства — время кризиса республики и установления системы принципата. Анализируются монархические черты, имманентно присущие Римской республике, их развитие в ходе завоевательных походов и гражданских войн, характер действия политических сил в этот период, развитие режимов личной власти.

© Егоров А. Б., 2021
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2023
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2023

ISBN 978-5-8071-0575-2

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Введение	19
Глава I. Исторические предпосылки	37
Монархический элемент в Римской республике	37
Великие завоевания и проблемы, ими созданные	50
Глава II. Гражданские войны (133–31 гг. до н. э.)	67
Реформы Гракхов	67
Марий и Сулла	78
Помпей и Цезарь	99
Глава III. Установление принципата (44 г. до н. э. — 14 г. н. э.)	121
Гражданские войны 44–31 гг.	121
Оформление власти Августа	139
Август и сенат	161
Основные черты внутренней политики Августа	174
Глава IV. Императорская власть и римское общество (14–69 г. н. э.)	199
Принципат Тиберия	199
Развитие монархических тенденций. Гай Калигула ..	238
Принципат Клавдия	252
Принципат Нерона. Конец Юлиев-Клавдиев	266
Год четырех императоров	282
Глава V. Дуализм системы	304
Заключение	325
Список сокращений	332

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

С момента первого издания «Рима на грани эпох» прошло около 30 лет. За это время многое изменилось. В 1992 г. автор (с небольшими дополнениями) защитил книгу в качестве докторской диссертации, и именно тогда возникла идея переиздания, исходившая не только от нас, но и (что нам особенно приятно) от некоторых наших коллег. Наступившие 90-е гг. полностью похоронили эту идею, и, как нам казалось, навсегда. Самое интересное — это то, что книга продолжала свою жизнь, несколько отличную от жизни автора, хотя и развивающуюся параллельно с последней. У монографии появлялись все новые и новые читатели, до тех пор пока один из них, Борис Васильевич Ерохин, не сделал нам весьма лестное предложение о втором издании, чем мы и поспешили воспользоваться. К сожалению, тогда пришлось ограничиться небольшим тиражем, прошло еще шесть лет, и теперь уже я получил новое предложение от другого уважаемого издателя, Вадима Викторовича Чубаря, директора издательства «Евразия».

Перемены, происшедшие за это время, оказались действительно эпохальными. Великий греческий историк Геродот считал 30-летний срок временем смены поколений. Если первое издание совпало с пятилетием моей дочери, то второе примерно совпадает с аналогичным юбилеем внучки, которая активно учится читать и, надеюсь, когда-нибудь прочтет и эту книгу. Еще больше изменилась страна.

1985 г. стал началом перестройки в СССР. Теперь мы живем уже в другой стране, чем-то похожей и вместе с тем непохожей на прежнюю. Так же, как и Рим I в. до н. э., она оказалась «на грани эпох», а в 90-е гг. и просто «на грани», хотя в последующие десятилетия все-таки отошла от опасной черты, и хотелось бы верить, что надолго. К сожалению, прошедший период мало способствовал развитию исторического оптимизма.

Многие потери, увы, оказались безвозвратны. Ушли двое выдающихся ученых, которые были рецензентами первого издания и читателями самого автора. Речь идет об Илье Шолеймовиче Шифмане, с которым нас связывали многолетнее сотрудничество и общность научных интересов, и Юрии Викторовиче Андрееве, с которым мы довольно долго работали на кафедре истории Древней Греции и Рима исторического факультета тогда еще Ленинградского государственного университета. Не стало и других дорогих нам людей: нашего первого учителя профессора Николая Николаевича Залесского, которому не довелось увидеть даже первое издание книги, но который принимал участие в ее подготовке, а также профессора Георгия Степановича Кнабе, влияние которого на нашу концепцию столь очевидно, что даже не нуждается в комментариях. Ушли из жизни и другие представители этого замечательного поколения ученых: выдающийся отечественный византинист профессор Георгий Львович Курбатов и филолог-классик профессор Александр Иосифович Зайцев, читавшие книгу и последующую затем диссертацию и сделавшие немало ценных и конструктивных замечаний. Особенно трагичен уход из жизни выдающегося ученого, почетного профессора СПбГУ, доктора исторических наук, Эдуарда Давидовича Фролова, который был подлинным идейным вдохновителем этой книги, основанной (осмелимся это сказать) на его концепции античной истории, и который был еще жив в том уже далеком 2016 году. В начале 2022 года покинул нас и профессор Юлий Беркович Циркин, мысли которого также значительно повлияли на

представленный читателю труд. Светлой памяти этих людей мы и хотели бы посвятить второе (или уже третье?) издание нашей монографии.

Снова перечитав «Рим на грани эпох», автор с некоторым удивлением обнаружил, что его взгляды изменились гораздо меньше, чем это могло бы показаться на первый взгляд. Конечно, пиши мы ее сейчас, многое выглядело бы по-другому. Тем не менее основные позиции мы разделяем и по сей день, а в ряде случаев можно говорить и о появлении дополнительных аргументов. Это можно сказать о двух основных тезисах монографии: концепции перехода от республики к империи и характеристике принципата как системы политического дуализма.

В последние десятилетия (см., например, второе издание «Кембриджской древней истории») наука еще более отошла от восприятия эпохи гражданских войн как времени простого превращения республики в монархию. Изменилась не только форма власти, но и весь политический строй и правовая система, а также (не побоимся этих слов) весь облик античной цивилизации того времени. Римская *civitas* и возглавляемый ею римско-италийский союз превратились из регионального объединения в мирового лидера, создавшего основу будущей сверхдержавы, а средиземноморский мир впервые стал единым экономическим, политическим и культурным пространством. Дело было не только в переходе от полисного государства к территориальной империи, но и в создании универсальной сверхдержавы, охватывавшей практически весь европейский и передневносточный цивилизованный мир. Империя испытала сильнейший экономический подъем и намного превзошла прежние эпохи в плане цивилизационного развития. Социально-политическая революция привела и к революции в культуре: «век Цезаря» одновременно был и «веком Цицерона», эпохой создания оригинальной культуры Рима и начала синтеза различных культур Средиземноморья в единую культуру империи I–II вв. н. э., стоящую на прочном греко-римском фундаменте.

Мы также укрепились в достаточно робко высказанном в 1985 г. мнении о том, что ранняя империя I–II вв. до н. э. была прогрессивным историческим явлением. Более того, именно это время стало эпохой максимального расцвета римской и вообще античной цивилизации, а переход от республики к империи был закономерен, прогрессивен и исторически необходим. Это утверждение неизбежно порождает вопрос о том, почему же римляне восприняли этот, наверное, самый значительный шаг по пути прогресса столь трагически и почему ностальгия по республике ощущалась даже спустя столетия после ее гибели?

Нельзя сказать, что мы были бы полностью готовы ответить на этот вопрос, более того, даже эта попытка ответа может оказаться неудовлетворительной, однако, как нам представляется, причиной этого трагического восприятия должно было стать то, что создание империи обошлось Риму необычайно дорого. Только Союзническая и гражданская войны 83–82 гг. до н. э. стоили Риму и Италии около полумиллиона жертв. Жесточайшие формы рабства, массовое разорение италийских крестьян и жителей провинций, создание уродливой «экономики ограбления», провинциальные восстания, «малые» гражданские войны и разгул пиратства — такова была жестокая реальность I в. до н. э.

Жертвой гражданских войн стали не только римляне, но и Рим и его республика. Республиканская система была не просто формой государственного строя. Это была целостная система ценностей, мироощущения и ментальности, о которой так много и точно писал Г. С. Кнабе. «Этот строй жизни был задан объективно, скудостью производительных сил, а потому консервативная мораль, благоговейное уважение к заветам предков, восприятие родной истории как энциклопедии общинных добродетелей были не реакционной утопией, а залогом выживания полисного мира и Рима в первую очередь» (Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986. С. 21). Когда Цицерон писал о крушении *res publica*, он имел в виду не просто смену одного политического строя другим, но ги-

бель государства как такового, следствием которой стало крушение единственно возможного полисного миропорядка. Знаменитый оратор выражал не только собственное мнение: так думали многие представители политической элиты и, возможно, немалое число других римлян. Мы далеки от мысли, что система империи была навязана римлянам амбициозными политиками, сумевшими опереться на реформированную полупрофессиональную армию; более того, есть все основания полагать, что в период гражданской войны 49–45 гг. до н. э. подавляющее большинство населения поддержало Цезаря и его сторонников. Вместе с тем, живя в империи Цезаря и Августа, многие, если не большинство римлян из самых разных слоев населения, с грустью вспоминали Катона и Цицерона. Эти настроения прекрасно понимал Октавиан Август, и это понимание стало залогом его политического успеха.

Впрочем, говоря о гибели *res publica*, Цицерон явно преувеличивал. Силы имперской новизны, провинции, новая реформированная армия и нарождающаяся имперская бюрократия одержали победу, однако старая традиция республики продолжала существовать. Она оставалась в системе государства и права, в отношениях сената и императора, в идеологии и религии, которые, по сути, сохраняли полисно-республиканский характер, и, наконец, в общей ностальгии по республиканскому прошлому. Мы полностью сохраняем приверженность еще одной стержневой идее «Рима на грани эпох», а именно идее дуализма системы принципата Августа и Юлиев-Клавдиев. Этот дуализм и стал тем самым грандиозным компромиссом между полисом и империей, монархией и республикой, императором и сенатом, который и составил сущность системы.

«Рим на грани эпох» достаточно органично распадается на две части: эпоху гражданских войн 133–31 гг. до н. э. и время раннего принципата, т. е. периоды правления Августа (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.) и Юлиев-Клавдиев (14–68 г. н. э.). Эти два периода остались основными областями наших последующих исследований, стержнем которых

послужила эта книга, и, может быть, целесообразно остановиться на том, что собственно изменилось или расширилось в нашем понимании истории этого времени.

За прошедшее время мы все больше убеждались в судьбоносном значении Второй Пунической войны (218–201 г. до н. э.) и последовавших за ней «великих завоеваний». Великая победа над смертельно опасным противником, Карфагеном, имела два глобальных последствия. Первым из них стало превращение Рима в сильнейшую военную державу Средиземноморского бассейна и его вступление на имперский путь развития, вторым — огромные людские и материальные потери, разорение Италии и страшный удар по римскому и итальянскому крестьянству. И то и другое, каждое по-своему, толкало Рим на путь масштабной завоевательной политики, и можно сказать, что именно эта «мировая война» античности стоит как у истоков «великих завоеваний» II в., так и у истоков кризиса I в. до н. э.

Понятие «империя» имеет два различных оттенка. Первый из них обозначает большое государство, обычно организованное путем завоевания, второй подчеркивает его монархическое качество. Чаще всего эти факторы совпадают, однако «империи без императора» встречаются и в древности, и в Новое время. Рим 40–30-х гг. II в. был уже совершенно иным, нежели тот Рим, который вступал во Вторую Пуническую войну. Это была территориальная держава колониального типа, включавшая в себя, помимо Италии, значительную часть Испании, Северную Африку, Сицилию, Сардинию и Корсику, Балканский полуостров, западную часть Малой Азии и юг Галлии. Завоевания продолжались и в I в. до н. э., и в эпоху Августа, однако основа Римской империи в ее территориальном смысле создавалась именно во II в. до н. э. Тогда же стала очевидной непригодность полисной республики к существованию в новых условиях.

На наш взгляд, кризис конца II — начала III в. до н. э. охарактеризован в книге достаточно полно. Мы рассмотрели два важнейших явления: проблемы управления новыми

регионами и кризис собственно основ римского полиса. Вероятно, если бы книга писалась сегодня, мы бы уделили значительно большее внимание созданию крайне уродливой колониальной экономики, которую Кл. Николе назвал «экономикой ограбления». Основные капиталы этой экономики делались не в сельском хозяйстве, ремесле, индустрии и торговле, да и вообще не в какой-либо части производительного сектора, но в сфере ограбления покоренных территорий, ростовщичества, политической коррупции, крупных спекуляций и работоторговли, а превратившаяся в олигархию элита нобилитета была не элитой производителей, вносящих вклад в развитие общества, а политической верхушкой, паразитирующей на государственной власти. Это был, несомненно, тупиковый путь развития, который вел к неизбежному краху, и этот крах был уже виден. Менять следовало не только политическую систему, но и модель экономики.

Спецификой настоящего времени является известная тенденция к переоценке главных действующих лиц римской истории, заключающаяся в своего рода дискредитации «положительных» и реабилитации «отрицательных» персонажей, включая Калигулу и Нерона. Мы еще вернемся к этой теме, сейчас заметим, что ни одна из характеристик, данных в «Риме на грани эпох», не подверглась в нашем сознании существенной ревизии и, так или иначе, добро остается добром, а зло — злом.

Так, говоря о Гракхах, мы категорически отвергаем мнение о «демократическом идеализме» или «консервативном утопизме» их программы и продолжаем считать, что, несмотря на ряд спорных моментов и даже негативных последствий гракханских реформ, это был конструктивный выход из кризиса, тем более представлявший собой вариант мирного развития событий. Вероятно, преобразования Гракхов были недостаточны, однако даже та часть реформ, которая была реализована, оказалась спасительной для римского общества. Подавление гракханского движения показало, что правящая олигархия может уступить только при угрозе силового давления. Риму предстоял так на-

зываемый катастрофический сценарий, поставивший государство и общество на грань существования. Составными частями этого сценария, пик которого пришелся на 80-е гг. I в., стали драматические события самого конца II в. до н. э., Союзническая война, бурные события 80-х гг. I в. и, наконец, кровопролитная гражданская война 83–82 гг., завершившаяся победой Суллы.

На наш взгляд, в исследовательской литературе (в том числе и в нашем первом издании) существует определенное смещение акцентов. Если для современных ученых Союзническая война и события 80-х гг. были превращением полиса в унитарное государство, то для современников они стали временем страшных людских и материальных потерь и жуткого разорения Италии, «которого не было ни при Пирре, ни при Ганнибале» (Flor., III. 18, 9). На это время приходится бóльшая часть потерь римского гражданского коллектива, и именно эта катастрофа стала, вероятно, главным фактором, определившим политическую жизнь последующего пятидесятилетия.

Характеризуя борьбу Мария и марианцев против оптиматов и Суллы, мы, во многом следуя за современной историографией, делали акцент на общих чертах противоборствующих группировок — сходстве их состава, методов борьбы и даже политических программ. Вместе с тем уместно остановиться и на отличиях. Сталкивались не только персональные, групповые и материальные интересы, но и две идеологии, что придавало политической борьбе особую остроту, а господствовавшая до сравнительно недавнего времени «теория личных партий» явно нуждается в серьезных коррективах.

Хотя в «партии Суллы» сосуществовали различные группы политиков и военных, основу ее руководства составляла элита римской аристократии, настроенная на максимальное сохранение «республиканской» системы, тогда как руководство марианцев состояло из менее родовитых и приближенных к власти нобильских семей, элиты всаднического сословия и так называемых «новых людей», т. е.

тех, которые были готовы на те или иные преобразования. Вместе с тем (на это обстоятельство нам указал один из наших учеников, А. В. Еремин), если даже марианские лидеры и проводили реформы, они делали это излишне медленно и неэффективно, будучи слишком озабочены собственным пребыванием у власти. Марианское правительство попросту не могло справиться со сложными задачами управления, а потому потерпело поражение в борьбе с более организованным, динамичным и целеустремленным противником.

Многие исследователи считают решающей фазой римской революции ее первый период (133–78 гг. до н. э.), объявляя решающим событием Союзническую войну или какой-либо иной эпизод этого времени. На наш взгляд, речь может идти только о «подавленной революции». Итогами сулланской реставрации стали ликвидация всех преобразований предшествующего пятидесятилетия, полный разгром и уничтожение всех сил, которые каким-либо образом поддерживали начавшиеся перемены, и, наконец, проведение ультраконсервативных контрреформ, отбросивших общество далеко в прошлое. Говоря словами А. Тойнби, Сулла сыграл роль «архаиста с машиной времени», попытавшегося повернуть ход истории. Эта попытка обернулась полной катастрофой, едва не погубившей римское государство и общество.

Второй этап римской революции (78–31 гг. до н. э.), начавшийся после смерти Суллы и завершившийся победой Октавиана Августа, был гораздо более результативен. Первые преобразования начала уже постсулланская власть, смягчившая террор Суллы, выведшая государство из внешнеполитического кризиса 70-х гг. и покончившая с некоторыми законами диктатора во время реформ 70 г.

Тем не менее ключевой фигурой этого нового этапа революции стал Юлий Цезарь. Своеобразное «двоевластие» 50-х гг., а затем и победа в гражданской войне, покончившая с постсулланской системой, открыли путь к конструктивным переменам. На смену слабой, раздираемой

противоречиями республике нобилей пришла мощная сверхдержава, превышающая ее по территории, населению и военной мощи и находящаяся на новом экономическом, политическом и культурном уровне. Итогами деятельности Цезаря стали создание системы военной и политической безопасности, преодоление внутреннего кризиса, переход от «экономики ограбления» к более естественным экономическим отношениям и, наконец, «правовая революция», направленная на постепенное предоставление гражданских прав жителям провинций и создание политико-правового единства империи.

Цезарь и Август, несомненно, являются центральными действующими лицами этого периода истории. Как и ранее, мы считаем точкой перелома гражданскую войну 49–45 гг. и диктатуру Цезаря. Мы также сохранили мнение, что при всех различиях и модификациях политика Цезаря и Августа была единым целым, и если Цезарь создал проект и фундамент новой системы, то Август построил ее грандиозное здание. Он же стал и творцом того сбалансированного и конструктивного политико-правового компромисса, каковой являлась система принципата.

Вопреки убеждению многих исследователей, Цезарь не был «ниспровергателем» республики. Создавая новое общество, он, как и Август, взял (или попытался взять) все жизнеспособное, что осталось от старой традиции, а его борьба была не борьбой с республиканским строем, а борьбой с уродливой системой сулланского режима. Цезарь говорил, что был бы первым республиканцем, если бы в Риме была республика, а Август подчеркивал идею «восстановленной республики» (*res publica restituta*). И то и другое не было пропагандистским клише.

Цезарь и Август были государственниками. Важнейшим из их преобразований было превращение временной верховной власти в постоянную. Вместе с тем трансформация власти республиканских магистратов во власть императора была долгим процессом, в котором участвовали не только сторонники, но и противники новой системы. Уже

с самого начала кризиса практически все ветви власти стали приобретать чрезвычайный характер, поскольку иных способов проведения в жизнь своей политики уже не существовало. Трибунат Гракхов, консульства Мария, Цинны и Карбона, диктаторская власть Суллы и полномочия сулланских проконсулов, наиболее значительным из которых был почти непрерывный чрезвычайный империй Гнея Помпея, и многие другие «способы поручения» внесли свой вклад в ту сложную систему, которую представляла собой римская императорская власть.

Разбирая другую важнейшую тему, тему отношений Августа (и его преемников) с сенатом, мы были склонны (вероятно, чрезмерно) отдавать дань идее «диархии» Т. Моммзена, его представлениям о сенате как главном элементе «фасада», прикрывающего монархическую сущность принципата, и мнению о сенате как об органе оппозиции режиму. Напротив, в настоящее время мы склоняемся к точке зрения Р. Тальберта, считавшего, что фактор сотрудничества императора и сената, несомненно, преобладает над фактором противоречий. Сенаторы смирились с ролью подданных принцепса и не ставили вопрос о властном паритете, при этом сенат занимал вполне определенное место в государственной системе, которая могла функционировать только при условии его участия. Могильщиками власти сената стали не императоры, которых вполне устраивала ситуация «карманного парламента», а скромные клерки императорских канцелярий и аппарата префектов, которые постепенно брали на себя административную работу сената и сенаторов. Впрочем, эти перемены произошли намного позже.

Заканчивая первую часть, отметим, что в первом и втором (?) изданиях мы все же (вслед за самими римлянами и, наверное, большинством ученых) уделили слишком большое внимание концепции «двух правд», «правды» Цезаря и Августа и «правды» Помпея, Цицерона, Катона и Брута. «Революция» Цезаря, начавшаяся в 59 году (год его консульства) и закончившаяся его реформами 46–44 гг.

до н. э. была единственно возможным выходом из кризиса для гибнущей цивилизации. Поражение Цезаря в Галльской (58–51 гг.) и особенно Гражданской (49–45 гг.) войнах означало бы не установление власти другого диктатора (Помпея или Сципиона) или альтернативу «Республика» — «Империя», но альтернативу существования Римской Империи и цивилизации или их распада и гибели. И точно таким же образом обстоит дело в войнах 44–31 гг. с той лишь разницей, что перспектива краха уходила все дальше и дальше, пока не исчезла после побед при Филиппах (42 г.), Навлохе (36 г.) и Акции (31 г.).

И все же Империя не стала тем, чем она могла бы стать, и в 44 г. Цезарь имел реальный шанс покончить с тремя главными противниками Рима, германцами, дунайскими племенами и Парфянской Империей и сделать безопасными все три границы. Огромные потери в гражданских войнах 44–31 гг. до н. э. сорвали этот план, и попытки Антония в 41–36 гг. до н. э. и Августа, Тиберия и Германика в 5–17 гг. н. э. несмотря на гигантские усилия показали, что было уже поздно.

Долгий принципат Августа (31 г. до н. э. — 14 г. н. э.) закрепил победу Цезаря. «Первый принцепс» получил в наследство огромную объединенную, но разоренную войнами, провинциальными восстаниями и вражескими вторжениями Средиземноморскую Империю, а сорок лет мира привели к ее невероятному процветанию. Созданная Августом управленческая система действительно преобразовала мир, но и она не смогла спасти от всех эксцессов будущей эпохи Юлиев-Клавдиев, репрессий Тиберия и Калигулы, сложного времени Клавдия и кризиса 60-х гг., и гражданской войны 68–69 гг. Кровавый след гражданских войн 83–82, 49–45 и 44–42 гг. до н. э. сохранился и в процветающей Империи I–II вв. н. э. Три ее главных бедствия, внешний враг, провинциальные восстания и гражданская война уже не угрожали жизни большинства 50–80-миллионного населения сверхдержавы, но они не исчезли. За время после 1985 г. мы имели возможность

коснуться творчества трех выдающихся историков эпохи Империи, Тацита, Светония Транквилла и Диона Кассия, равно как и Плутарха и Аппиана и укрепиться в доверии к этим авторам, прекрасно показавшим и великую победу Римской Империи и цену этой победы.

История Юлиев-Клавдиев составила вторую часть монографии. По большому счету, наши взгляды на жизнь Империи в целом и конкретные правления Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона существенно не изменились, и мы хотели бы лишь обозначить некоторые общие тенденции. Истории Юлиев-Клавдиев и отчасти Флавиев можно считать «римско-италийским» и «республиканским» периодом имперской истории, причем слово «республиканский» следует понимать не в смысле ограничения императорской власти (этого как раз не было), но в смысле сохранения многих черт республиканского Рима.

Империей, как и ранее, управляла римско-италийская политическая элита. Сенат в основном состоял из представителей италийской муниципальной верхушки, среди которых еще встречались потомки собственно римской аристократии. К последней принадлежала и семья императора, в которую входили такие знатные роды, как Клавдии Нероны, Домиции Агенобарбы, Валерии Мессалы, Ливии Друзы и, конечно, собственно Юлии Цезари. Италийскими были нарождающаяся бюрократия, преторианские когорты и элитные части армии. Юлии-Клавдии поддерживали заданную Августом проиталийскую политику. Италия еще остается метрополией, а Рим, соединивший остатки полисных структур с новым обликом мировой столицы, вероятно, пережил апогей своего расцвета. В жизни господствовала италийская система ценностей, в литературе — «золотая» и «серебряная» латынь, а в архитектуре и живописи — стили и подходы римского искусства.

Это не означало, что черты имперской новизны прекратили свое наступление. Эпоха Юлиев-Клавдиев не была временем качественного перелома, но количественные перемены происходили постоянно. Роль провинций

неуклонно росла, гражданство распространилось по (прежде всего) западным провинциям. Росло число провинциалов в армии, управленческом аппарате, в сенате и при дворе, а внесенатский аппарат, только создававшийся при Августе, стал серьезной силой ко времени Клавдия и Нерона.

Несмотря на подчас трудные и не всегда успешные войны, с одной стороны, и правления таких императоров, как Калигула и Нерон, с другой, система, созданная Цезарем и Августом, имела огромный запас прочности. Конкретные кризисы не стали системными. Впрочем, критики режима писали не только о политических репрессиях (это как раз отражено в книге довольно полно), но и о «лени» и «вялости» императоров, не желавших заниматься государственными делами. Пока Тиберий скрывался от государственных дел на Капри, Калигула поражал Рим своими безумствами, Нерон эпатировал публику артистическими выступлениями и все трое уничтожали участников реальных, а чаще мнимых заговоров, империя «переросла» своих властителей. Кризис 60-х гг. I в. до н. э. был не только кризисом режима Нерона, но и кризисом династии. Кульминацией кризиса стали события «года четырех императоров», а победившая династия Флавиев стала проводить преобразования в ускоренном темпе.

Мы долго думали над тем, следует ли вносить эти изменения в текст, и после долгих размышлений решили этого не делать. Основным аргументом стало, вероятно, то, что «Рим на грани эпох» уже имеет 30-летнюю самостоятельную жизнь и немало читателей, которые знают книгу именно такой, какой она является на данный момент. Всякого рода вставки, изменения и дополнения могут нарушить ее композиционную целостность, а все новые изыскания вполне можно поместить в соответствующем предисловии.

А. Б. Егоров

ВВЕДЕНИЕ

Переход от Республики к Империи и эпоха раннего принципата имеют особое значение в античной истории. За короткий период (III–II вв.¹) Рим, ставший незадолго до этого главой Италийского союза, превратился в хозяина Средиземноморья, завоевав огромные территории в Европе, Азии и Африке, практически объединив под своей властью весь средиземноморский цивилизованный мир и став крупнейшей державой древности. Начинался новый этап — превращение этой внезапно появившейся Империи в единое целое, когда Рим и провинции стали сближаться не только в правовом положении, но и в областях экономики, социальной структуры и идеологии.

Превращение Рима в великую державу сопровождалось политическим переворотом. Необходимость реорганизации управления и политические и экономические изменения, вызванные новой ситуацией, привели к краху республиканской системы и установлению новой политической формы — принципата, построенного на дуализме монархии и полиса, который постепенно трансформировался в монархию.

Исследование этого процесса имеет особое значение как в силу специфической роли Рима в истории древних обществ, так и в плане методологическом, поскольку дискуссия вокруг проблем принципата имеет большое значение для двух, вероятно, важнейших вопросов исследования древней истории: проблемы типологического сходства с другими

---

¹ Здесь и далее — до нашей эры.